

Сергей Инзель

Я остаюсь

Томск
«Дельтаплан»
2018

УДК
ББК

И63

Инзель С.

И63 Я остаюсь. – Томск : Дельтаплан, 2018. – 104 с.,
илл.

ISBN 978-5-94154-218-5

«Цель данной писанины – сохранить основные мысли и идеи тех лет, а также настоящего. Кто знает, может, когда-нибудь и напечатают, а лучше не стоит: не поймут. Это ведь надо так отфильтровать, что и останется одно приличное стихотворение.»

Сергей Инзель, 22.09.1992 г.

© Инзель Т.Н., 2018

© Федишин Е., иллюстрации, 1994

ISBN 978-5-94154-218-5

© ООО «Дельтаплан», оформление, 2018

*Родители Сергея искренне благодарят
сотрудника Томского областного универсальной
научной библиотеки им. А.С. Пушкина
Никиенко Ольгу Геннадьевну
за неоценимую помощь в издании этой книги.*

2018 г., май

Ольга Комарова
поэт, член Союза писателей России

Сергей Инзель: страшная, страшная сказка

Жил-был мальчик Сережа.

Славный, белокурый, добрый, послушный, мягкий, интеллигентный.

Его добрая бабушка Надежда Николаевна Клепинина сочиняла для него сказки. Добрые, прекрасные сказки. Мама и папа, доктора Татьяна Николаевна и Геннадий Аркадьевич, отвели в хорошую школу, обучили музыке, дали высшее медицинское образование. Ждали, верили, надеялись.

А мальчик вырос и стал волооким брюнетом, усатым и порой взъерошенным. И стал сочинять свою Сказку, совсем-совсем другую сказку: злую, непричесанную, со страшным концом.

И выходило по этой сказке, что живет Серега Инзель в стране, где

...Вера старая, всенародная,
пронесенная через столетия,
запрещенная и побежденная, –
вся порублена и прострелена.
А вера новая – пятиконечная.
Пятиконечные кресты,
Пятиконечные иконы,
Пятиконечные попы,
Пятиконечные мадонны.

(«Пятиконечная вера»)

И есть в этой сказочной стране пионеры. Сережа успел в пионерии побывать.

...Мой путь в пионеры тернист и далек,
повяжут на шею мне красный шнурок.

(«Пионеры»)

И понял все про пионеров Сережа-пионер:

...В Советском Союзе полно пионеров,
и все они умные, добрые, смелые.
Отъезтые морды, надменные взгляды,
прикончить любого готовы ребята.
Пионер – значит, первый
в очередь за белой!
Пионер – значит, лучший,
с косяком идущий.

(«Пионеры»)

Сильно не залюбил сказочник Сережа пионеров. Особенно досталось от него Павлику Морозову.

...Прославил себя и прославил Отчизну
маньяк-одиночка Павлик Морозов.
Мой друг – Павлик Морозов!
Застиранный галстук и взгляд исподлобья.
Врага угадает, почует подвох.
Он просто не мог не родиться героем.
Героем он жил и героем подох.
(«Мой друг – Павлик Морозов»).

Ну, не пионеры герои. Кто тогда? Тогда Махно!

Мы идем по времени
с Нестором Махно.
Наши шашки наголо,
наша цель близка.
Знамя черной гвардии
впереди полка!
(«Нестор Махно»).

И тема перекрашивания красных знамен
в черные идет сквозняком.

мы знамена красные перекрасим в черные
(«Разделяй и властвуй»).

Далее – «Я перекрашиваю флаги в черный цвет» («Аппарат для стирки государственных флагов»). И чем дальше – тем страшнее в Сережиной сказке. В прошлое заглянет – там страшно:

Я вижу погоны, я вижу знамена,
и слышу слова неприличные.
Мне хочется верить, что скоро забудут,
как выглядит жизнь под прицелом.
И доты противника больше не будут
заваливать собственным телом.

(«Антимилитаристическое»)

Заглянет в будущее – и того страшнее, и абсолютно провидчески:

Монополия – на плантации мака.
Монополия – на созывы собраний.
Монополия – на владенье Госбанком.
Монополия – на награды и званья...

(«Монополия»)

Послушаешь Сережиных страшных сказок,
и поверишь:

Рубят шашки весело,
кровью полит путь.

Нам с дороги праведной
некуда свернуть!

(«Нестор Махно»)

Что и говорить, невеселая сказка получилась
у Сергея Инзеля, если самое веселое в ней:

Шел автобус «единица»
до придурочной столицы –
Хоп! – в столицу дураков.
Обгоняя зверя-птицу
дураки спешат в больницу –
Хоп! – в столицу дураков...

(«Песня про дурку»)

А единственное лирическое – «Первый снег»,
и то:

...Снег – только на ночь,
он посланец звездной пустоты,
укрывший то, что мир увидит утром...

У такой страшной сказки не может быть счастливого конца. Сказочник это знал, предчувствовал и прописывал:

Я пойду по коврам из цветов,
и забвенью предамся навек...

(«Я опять ухожу в мир грез»)

И:

В перепаханном поле пустой
болтовни и беспечности,
в бессознательном крике
не видим, не слышим собой,
шел по следу друзей,
по забытых и в прошлом, и в вечности,
задышался, хрипел, умирал,
но остался живой...

(«Все очень хорошо»)

И:

Сказка не сказывается, а сбывается.
В сказку приходишь, и в сказке живешь.
В сказке кем хочешь – тем называешься.
Если пришел, то назад не уйдешь...

(«Песня про сказку»)

Слезы вышибают эти пронзительные, в полном ясном сознании произносимые строки Поэта, обреченного собственной судьбе. Заложника судьбы. Крепкие крупные образы, схваченные враз, с места в карьер:

Гарью тянет от светила.
Вот так чудо, вот так диво!
Если хочешь быть счастливым, –
разбегайся по могилам!..

(«Рок несбывшейся надежды»)

И, наконец, вот эта жуткая страшилка:

Уважай инвалидов, дружок!
Покупай им варенье и булочки.
Ты зачем отобрал пирожок
у беззубой старушки на улочке?
За фонарным столбом втихаря
ты сожрал свою добрую миссию.
Но съедят инвалиды тебя
вместе с попой, глазами и писею.

(«У больной девочки нет руки»)

Яркая, краткая, пронзительная жизнь.

Родился 1 ноября 1971 года, погиб 7 июля 1993 года. Неполных двадцать два.

Тридцать вторая школа, с хорошими учителями и друзьями, здесь его помнят до сих пор.

С повальным увлечением музыкой — магнитофонными записями — с седьмого класса. Медицинский институт, по стопам бабушек-дедушек, папы-мамы, врач в третьем колене. Фортепьяно, ударные, гитара. Стихи — музыка — песни — вокал. Приятный баритон, унаследованный от бабушки по отцовской линии. Увлеченность бардовской песней и Высоцким, панк-роком и Егором Летовым.

Собственные группы: «Прогрессивный налог» (или «Продналог», «умер» в 1989 году) и «Символ безысходности». «Символ безысходности» появляется в августе 1989 года, группа успела записать маг-

нитный альбом «Судный день» и осуществить проект «Образцово-показательный оркестр Джорджа Бертрана», где Джордж Бертран – Георгий Фефелов.

Ни одной прижизненной публикации. Первая посмертная книжечка: 1996 год.

Подвиг на излете: после ночного дежурства идет по просьбе дворовых ребят помочь их дружку, которому помочь нечем: передоз. А дальше – как в его страшилках: забили до смерти.

Орден Мужества Российской Федерации, врученный губернатором Томской области В. М. Кресом матери поэта Татьяне Николаевне Инзель.

На обелиске над его прахом – его же пророческие слова, обращенные к Высоцкому:

Поклонитесь Земле:
в ней лежит музыкант.
Но потрескался гриф
и порвалась струна.
Среди нас тебя нет.
Это наша вина.

(«Памяти погибшего музыканта»)

Дитя Застоя, он выблевывал из себя гнилые ошметки лжи, заполонившей душу-уши-глаза-рот. И чистым голосом, в последнем крике и хрипе, не заботясь о форме и цензуре, кричал правду, как он ее понимал. Хотел докричаться до своего народа, искал в нем опору (сказочные его герои: Мах-

но, Сталин, Брежнев). Но народ безмолвствовал. Народ привык хоронить своих поэтов, и только толпы с траурными букетами и лентами заполняют улицы, как это было на всенародных похоронах В. Высоцкого или Б. Пастернака.

Сергей Инзель был отмечен дважды: как поэт – врачевал души, как врач – исцелял тела.

Протестный поэт с яркими образами, нанесенными крупным мазком. Живописец, который окунает кисть в кровь собственную и мажет ею по всей физиономии души народной. Мальчик, которого никто не предостерег об опасности самопрограммирования для поэта. Дитя, взраставшее на сказках бабушки, юность которой пришлось на Усть-Мынлаг. Там, в ГУЛАГе Коми-республики она, юная стоматологиня, встретила свою судьбу – дедушку Сережи, Николая Сергеева, бывшего ветеринара и ответработника, теперь «врага народа», там родилась его мама, признанная впоследствии пострадавшей от репрессий.

Поэт, рожденный в России и разделивший ее страшную судьбу.

Он был умный мальчик. Он все это нес, сколько мог.

Что да как – не пойму,
опротечиво покалеченный –
ни за так, ни к чему.
Мысли враз да под вечер.

Стая врозь разошлась.
И успеть не успел.
Все узлы развязал,
да последний – позабыл...

Сочинитель своей сказки, и герой ее. Как на-
сочинял – так и вышло. Одно-то всего узелка
не развязал – не разрубил.

Я не буду говорить о том, что тексты поэта Ин-
зеля сыроваты или неподцензурны.

История народа, из которого он вышел – тоже
сыровата, ибо пропитана кровью. И обценная
лексика – второе «Я» нашего великого и могучего.

Народ заслуживает своих поэтов, которые
даже и матом, и страшной судьбою своей, не могут
до него докричаться.

Я завершу это предисловие всего одной своей
строкой из стихотворения «Страна дураков»:

От наркоматов до наркоманов –
маковый след кумача:
Карл для Клары украл кораллов:
десять лет строгача...

Мы – поэты одной крови, одной страны, еди-
ного великого русского языка.

Выборы

Выборы в кайф — примем участие:
Свой бюллетень разорвем на части.
Хватит засилья красных мандатов —
Мы выбираем своих депутатов.

Все на выборы!
Все на выборы!
Лучших из лучших
В Советы выберем.
И от Москвы до
Далекого Таллинна
Проголосуем за
Дедушку Сталина.

Выборы скоро народных Советов.
Тучи идут над страной Советов.
Красное знамя — но с черным оттенком.
Всех недовольных — в тюрьгу и к стенке!
Выборы в кайф — но и кайф устоялся.
Наш депутат из могилы поднялся.
Взгляд его зорок и хватка крепка —
Всех покарает возмездья рука!

1989, март

Пятиконечная вера

По России, да по глубинке,
Да дорогами, да не пройденными,
С новой властью, да по старинке,
В церковь старую, да разоренную,
Ночью темною, да по ухабинам,
Да чащобами, да непролазными,
С новым временем, по старой памяти,
Да за верою, такую разную.

Пятиконечные кресты.

Пятиконечные иконы.

Пятиконечные попы.

Пятиконечные мадонны.

Вера старая, всенародная,
Пронесенная через столетия,
Запрещенная и побежденная —
Вся порублена и прострелена.
Вера русская, вера лучшая,
Вера давняя и православная.
Вера новая — пятиконечная —
Вера дикая и вера страшная.
Вера давняя и православная,
Вера новая — пятиконечная —
Вера дикая и вера страшная.

1989, апрель

Пионеры

Посвящается московским пионерам

Хочу в пионеры, хочу к лукичам.
В обиду страну никому я не дам.
Мой путь в пионеры тернист и далек,
Повяжут на шею мне красный шнурок.

Пионер — значит, первый

В очередь за белой!

Пионер — значит, лучший,

С косяком идущий!

В Советском Союзе полно пионеров,
И все они умные, добрые, смелые:
Отъетые морды, надменные взгляды
Прикончить любого готовы ребята.
Идет пионерия к светлому завтра.
Падет, обоссавшись, дыша перегаром.
Транкуют старухи и думают, грешные,
Когда ж пионеры нас всех перевешают.

1989, апрель

Волком были

Принесите-ка костей человеческих
И сварите их, политыми кровью.
Но запомните, что завтрашняя кровь
Будет из вашей плоти!
Волком были на всех и кусались,
Ожидали реформ и дождался.
Улыбнитесь, узнав о завтрашней смерти,
Просыпайтесь в сладостном ее предвкушении,
А во сне поднимите обглоданный череп
И в глазницах узнайте свое отражение.

1989, май

* * *

Разделяй и властвуй,
Раздирай и грабь.
Наше дело правое,
Нам на жизнь насрать.
Вспыхнут ярким пламенем
Души покоренные.
Мы знамена красные
Перекрасим в черные.

Аппарат для стирки государственных флагов

Универсальный аппарат купил по случаю.
Универсальный агрегат — машину лучшую.
Без остановки целый день система прочная.
Моя машина хоть куда — работа точная.
Это агрегат для стирки государственных
флагов!

Кипит работа целый день — работа дружная.
Машина вечная гудит — машина нужная.
Заказов дали мне на много-много лет.
Я перестирываю флаги в черный цвет!

1989, май

Монополия

Монополия — на спиртные напитки.

Монополия — на печатанье денег.

Монополия — на кривые улыбки.

Монополия — на рабочее время.

Припев:

Но сколько раз твердили мне,
Что ты живешь в своей стране,
Что ты свободный гражданин.
Нет, не поверю больше им!

Монополия — на плантации мака.

Монополия — на созывы собраний.

Монополия — на владенье Госбанком.

Монополия — на награды и званья.

Припев.

Монополия — на военные базы.

Монополия — на любовные страсти.

Монополия — на хмельные экстазы.

Монополия — на аресты и казни.

Припев.

Аннотация к материалу из жизни

Мир, по-прежнему, не растоптан
Людьми в португях и с лычками.
Я вижу погоны, я вижу Знамена
И слышу слова неприличные.
Мне хочется верить, что скоро забудут,
Как выглядит жизнь под прицелом.
И доты противников больше не будут
Заваливать собственным телом.

В войну играли, не таясь,
Игры получше не придумав,
Вы убивали, не стыдясь,
Вы убивали, не подумав.

Затвор передернув и штык приколов,
Приняв перед рейдом для смелости,
Вы движетесь в горы кровавых кусков,
Стреляя во все, что шевелится.
Победные стяги вздымаются гордо.
Награды и звания льются рекой.
Последняя пуля, последний осколок.
Победа за вами — над кем, над собой?

1989, 8 августа

Нестор Махно

Время наступает —
Время перемен.
Память затуманена
Грязью прежних лет.
Кем он был и жил зачем —
А не все ль равно?
Мы идем по времени
С Нестором Махно.

Наши шашки наголо,
Наша цель близка.
Знамя черной гвардии
Впереди полка.
Грозными колоннами
Поведем народ.
Наше дело правое,
Мы идем вперед.

Орден Знамя Красного
На его груди.
Нас с дороги правильной
Некуда идти.
Рубят шашки весело,
Кровью полит путь.
Нам с дороги праведной некуда свернуть!

Засрали

Под моим окном куча экскрементов.

Под моей дверью куча экскрементов.

У меня на крыше куча экскрементов.

И в моей квартире куча экскрементов.

Мне очень плохо – меня засрали.

И что мне делать, увы, не знаю.

Кричать не буду, не стану плакать.

И мне придется на вас накатать.

У меня во рту куча экскрементов.

У меня в ушах куча экскрементов.

У меня в глазах куча экскрементов.

И в моих мозгах куча экскрементов.

1989, июнь

Песня про дураку

Шел автобус «единица»
До придурошной столицы —
Хоп! — в столицу дураков.
Обгоняя зверя-птицу,
Дураки спешат в больницу —
Хоп! — в столицу дураков.
И видится в глазах немой укор,
Но вот он впереди, Сосновый бор.

Словно смелый гладиатор,
Дядька добрый — психиатр
Всех залечит-исцелит.
Вроде он отца одного:
С дураками он до гроба.
Добрый доктор Айболит.
Лишь один тебя всегда поймет.
Дуракам везде у нас почет.

Если вдруг печаль прибила,
Иль измена посетила,
Не затягивай момент! —
Сульфазин с аминазином
Выручают всех кретинов,
Будь ты дворник или мент.
А доктор к тебе утром подойдет
И ласково прошепчет: «Идиот».

Шел автобус «единица»
До придурочной столицы —
Хоп! — в столицу дураков.
Обгоня зверя-птицу,
Сницер едет в психбольницу —
Хоп! — в столицу дураков.
На все вопросы лишь один ответ:
«Сейчас в дурдоме мест свободных нет!»

1991, июнь

PUNK HOY

Я пьяный, я страшный,
Я красный командир.
Мне стыдно, мне гадко,
Мне хочется в сортир.
Пожар разгорится, и скоро над страной
Услышим, узнаем мы крики: «Панки, хой!».

Панки, хой, панки, хой!

Панки — это сила!

И для них, и для нас —

Общая могила!

Я грязный, ужасный,
Я еду воевать.
Мне плохо, мне страшно,
Мне хочется насрать.
Пожар затухает, по жизни кайфа нет.
Услышим, узнаем мы крики: «Панк нот дэд!».

Панк нот дэд, панк нот дэд!

Панки — это сила!

И для них, и для нас —

Общая могила!

1989, сентябрь

Уширо в стране Советов

Рассветом кровавым заря занялась.
Свободу дала нам Советская власть.
Аморфною массой проглянул восток.
Сверкает зловеще взведенный курок.
Читая Ленина, не думаем о нем.
Свистящие пули встречают восход.
С Советскою властью всесилен народ.
С безмерной любовью к Советской стране
С утра мясники веселятся в Кремле.
Звенят кандалы и скрипит эшафот.
Идет к лучшей жизни безумный народ.
Пусть стройны колонны и поступь тверда –
Я верю, ему не дойти никогда!

1989, ноябрь

* * *

Мне задают вопросы без ответа.
Мне хочется войти — да нету двери.
Мне не уйти от грязного навета.
Вокруг меня не люди — злые звери...

Мой друг Павлик Морозов

Мое государство живет новой жизнью:
Мне холодно летом и жарко в морозы.
Прославил себя и прославил Отчизну
Маньяк-одиночка Павлик Морозов.
Мой друг – Павлик Морозов.
Застиранный галстук и взгляд исподлобья –
Врага угадает, почует подвох!
Он просто не мог не родиться героем.
Героем он жил и героем подох.
Отца по судам, а потом в преисподнюю.
Он чувствовал зло и не видел добра.
Отправил себя на кровавую бойню,
И правильно с ним поступила судьба.

1989 г., ноябрь

* * *

У больной девочки нет руки,
Нет желудка и органов многих.
У больной девочки есть сапоги.
Но зачем сапоги для безногих?
И отсутствие слуха мешает дышать,
Но она приспособилась к этому.
И без левой руки далеко убежать
Может девочка эта, поэтому
Уважай, инвалидов, дружок!
Покупай им варенье и булочки.
Ты зачем отобрал пирожок
У беззубой старушки на улице?
За фонарным столбом втихаря
Ты сожрал свою добрую миссию.
Но съедят инвалиды тебя
Вместе с попой, глазами и писею.

* * *

Рассыпчатый туман в подставленный карман —
Лето кончилось совсем...
Растрескавшись о гром скандальным сапогом,
Входишь в гости насовсем.
В переулках улиц отдыхаешь от ран
И запоминаешь лица прохожих.
Разбежались, рассосались в грязный стакан.
Ну, теперь, наверное, нет непохожих?

* * *

Воевали-убивали денно и ночью.
Научили-проучили и самим не тошно.
Как наганом-ураганом по толпе пройдемся
И полночи, между прочим, весело смеемся.
А на кованых ботинках — отпечаток смерти.
В атональность автоматов весело поверьте.
И в заблеванных бойницах частое дыхание.
Не забыто только слово «самосострадание».
Упоенные окраской марева пожарищ.
Уповает на безгрешность умерший товарищ.
Расступилися Знамена — и исчезли рамки.
Выжить может лишь сильнейший,
Если он на танке.

Апокалипсис

Сам по себе, на автономии —
И без границ, и не в тисках —
Я вырываюсь из агонии
Без страха в выбитых глазах.
И оголенными руками
На обнаженных черепах
Я рву кровавыми клыками
Цветные маски на врагах.
Устал от злобы и бессилья,
От сплетен и от толкотни.
Мне чуждо грязное насилие,
Мне чужды стены паперти.
Блюя предсмертную симфонию
И с отчужденностью в мозгах,
Я слился с мертвыми в гармонию,
Танцую в вымытых гробах.

* * *

Что да как — не пойму,
Опрометчиво покалеченный —
Ни за так, ни к чему.
Мысли — враз да под вечер.
Стая врозь разошлась.
И успеть не успел.
Все узлы развязал,
Да последний забыл...

* * *

Оступился – и забыт, зачеркнут.
Не всеми, но подавляющим большинством.
Страшно. Страх не пугает мертвых.
Напугаешь живых, самому станет страшно потом...
Кто же вы, люди со стальными клыками,
Почему же от нас вы отводите пасть?
К обнаженному сердцу тянулись руками,
Тем, кто мог устоять, помогали упасть.
Крик! Кто-то пытается встать – не получится.
С надеждой глядя и взывая с мольбою.
Смотрящие вниз – отойдите, не мучайтесь.
Чужая судьба стала общею болью.

1990 г., февраль

Песня про сказку

Сказка не сказывается, а сбывается.
В сказку приходишь и в сказке живешь.
В сказке кем хочешь, тем называешься.
Если пришел, то назад не уйдешь.

Припев:

Финисты ласково в небо поднимут
И песнопеньем уважат сполна.
Ведьмы приветливо путника примут,
А в угощенье – одна белена.

Сказочный город окутан молчаньем,
Сказочный замок растаял во сне...

* * *

Рок несбывшейся надежды
В незалатанных одеждах.
Сон не в руку и не в челюсть –
Жить зачем-то захотелось.

Но снова лицо и
Снова в дерьмо.
Но я хотел бы с ним
Расстаться...

Крики ангелов признали:
«Вы откуда? Вас не звали!».
Кто добрее – сняли маски.
Нету лиц, размыты краски.

Гарью пахнет от светила –
Вот так чудо, вот так диво.
Если хочешь быть счастливым,
Разбегайся по могилам!

* * *

На дороге стоял человек беззаботный,
Раздирая руками лицо всенародно.
Мы дружно посмеемся,
Смотря на огонь.
Товарищ ликвидатор, меня не тронь!
А в лесу, на болоте, в тайге
Так привольно.
Ощущаю калибр на виске —
Мне не больно.
Нам топок паровозных не хватит на всех.
Когда-нибудь пора платить за чей-то грех.
Осознав, что остался один, не пугайся.
И повыше подвесить петлю постарайся.
Теперь нам все равно будет ад или рай.
Сожри свое говно, и все будет в кайф.

Памяти погибшего музыканта

Заметая твой след,
Ветер жадно хрипел.
Убегая к звезде,
Ты сказать не успел.
Что-то крикнуть хотел,
Но не смог прошептать
Пару слов, пару нот
На листах набросать.
Музыкант, расскажи,
Как тебе не жилось.
Ты метался в бреду
В предпоследнюю ночь.
А в последнюю —
Выпил не кухне вина
И взлетел в никуда,
И взлетел навсегда.
Через время прошел
И, столетья зажав,
Ослабевшей рукой
Гриф гитарный прижал.

Ухмыляясь, глазел
Многоликий народ,
Но не понял никто,
Что им мертвый поет.
Разрубил тишину
Колокольный набат.
Поклонитесь Земле —
В ней лежит МУЗЫКАНТ.
Но потрескался гриф,
И порвалась струна.
Среди нас тебя нет.
Это наша вина.

14—15 декабря 1991 г.

Суицид

Открывая дверь стальным ключом
И не различая, что почем,
На кровати жесткой, перевоплощаясь
И не различая бред и явь,
На чужих ошибках оступаясь,
А в своих ошибках сладко забываясь...
Покой — и Майданек печи погасил.
Покой — этот сладкий сон ты сам просил.
Покой — а в последних днях символ откровения.
Покой — перебитой вены смертный стон.
Покой — разрубить канаты и на дно.
Покой — светлый миг паренья.
Закрывая навсегда засов,
И не замечая бой часов,
Убежать в бессмертие, заново рождаясь,
Растеряв ключи от всех дверей
На обломках завтрашних идей,
Выйдя из себя, выйти не прощаясь.
Покой — запредельность глазом обогнуть.
Покой — незаметно для себя уснуть.
Покой — сбросив человечность.
Покой — и свободный радостный полет.
Полет — рассекая вечность.

осень, 1991 г.

Все очень хорошо

Подхватила судьба
И, смеясь, понесла сквозь заносы.
Под дождем и под снегом
В невидимом глазу строю.
Вырывала с бушлатом зудящие
Сталью заносы.
Сберегала, хранила и жизнь
Продлевала мою.

Через грохот и лай
И по волчьей тропе —
В неизведанный край
И в насмешку судьбе —
В перекопанный дот
От 20-й войны,
В перекопанный ров
От последней беды.

В перепаханном поле пустой
Болтовни и беспечности,
В бессознательном крике
Невидим, неслышен собой,
Шел по следу друзей позабытых
И в прошлом, и в вечности,
Задышался, хрипел, умирал,

Но остался живой.
В непроигранный бой
К неоткрытым морям
Прикрывая собой,
Укрывая себя,
К заповедным лесам,
К заповедным краям,
К заповедным цветам,
К заповедным зверям.

1 марта 1991 г.

Образцово- показательный оркестр Джорджа Бернана (1992–1993)

Ты, родная Россия, травы да цветы.
Сколько горя и страданий натерпелась ты.
Фотография на память о былых боях,
А на ней отец с друзьями на гнедых конях.

Припев:

Расскажи же, батя, правду
Про гражданскую войну.
Как мы жгли и убивали,
Я доселе не пойму.
Как мы бились за станицы,
И как знамя ты спасал.
Как осенней темной ночью
Расстрелял вас комиссар.

Взглядом смелым с-под папахи смотришь на меня,
Нет, не верю, чтобы красных ты рубал зазря.
Три «Георгия» за храбрость золотом горят,
Да, не смог сберечь, батяня, ты лихих ребят.

Припев:

Расскажи же, батя, правду
Про гражданскую войну.
Как мы жгли и убивали,
Я доселе не пойму.
Как мы бились за станицы,
И как знамя ты спасал.
Как осенней темной ночью
Расстрелял вас комиссар.

За родимую державу, да за свой народ
Вел последнюю атаку поредевший взвод.
Степь широкая донская пусть тебя хранит.
Подвиг русского героя нами не забыт.

Припев:

Расскажи же, батя, правду
Про гражданскую войну.
Как мы жгли и убивали,
Я доселе не пойму.
Как мы бились за станицы,
И как знамя ты спасал.
Как осенней темной ночью
Расстрелял вас комиссар.

Песня для гитары

Вечер темный, не шумит листва.
Дремлет пьяный сторож Никодим.
Улеглась на отдых вся Советская страна,
Но вдвоем с гитарой мы не спим.

Припев:

Перебор гитарный — золотые струны,
Душу потревожило огнем.
Так давай-ка вместе с подругой семиструнной
Посидим и вспомним. И споем.

Пусть года идут — я остаюсь
И беру аккорды вновь и вновь,
А на грифе бьется жизни пульс,
А на пальцах выступает кровь.

Припев.

Звук гитарный — чистый ясный звук.
Помогал нам выжить, переждать,
Самый близкий, самый верный друг.
Не дай Бог, тебя нам потерять.

Припев.

Первый снег

В раскрытое окно ко мне влетает белый снег.
В подставленной ладони тихо тает, остывая.
Под лунным светом кружит и у улицы послег,
Он кроет землю белым покрывалом.

Припев:

Мой первый снег — глоток воды.
Глоток свободы новой жизни.
Все неурядицы судьбы
Укроет на ночь снегом чистым.

Снежинки кружатся, придя из темноты,
Являясь к нам холодным белым чудом.
Снег только на ночь — он посланец звездной пустоты,
Укрывший то, что мы увидим утром.

Припев.

Застывший город тихо покрывает тенью.
И первой зимней ночью появляются надежды.
Палитра красок кончилась, и только лишь одна
Накроет город ласково и нежно.

Припев.

Добрый вечер

Добрый вечер, господа и дамы:

Гуд ивнинг, гутен морген, гутен таг.

Друзья мои родные, живете без России.

В Нью-Йорк вас занесло не просто так.

Я вижу ваши лица, ваши фраки — просто блеск! —

Улыбки и открытый русский взгляд.

Мы вместе — это важно, а вместе нам не страшно,

И здесь друг другу каждый будет рад.

Я сам из Магадана, впрочем, а не все ль равно.

Вон парень с Барнаула, вон — с Тамбова.

И ночи напролет поет блатной народ

Нам песни из Одессы и Ростова.

Ходили слухи, будто у меня большой алкоголизм,

Ну, будто мне горилки не хватает.

Нутро мое устойчиво, отвечу я уклончиво:

Какой же русский мало потребляет?

А тут, друзья, на днях мне рассказали анекдот,

Что вроде Москонцерт нас приглашает.

Сказал с испугу: «Нет», — заперся в туалет —

Дела иметь с Союзом не желаю.

От ностальгии и тоски да сохрани нас бог.

Лет через сто вновь встретимся, быть может.

А если труден час, вы вспомните о нас.

Оркестр Джорджа Бертрана поможет.

В этом вечер

В этот вечер все у нас не так.
«Миль пардон» и не нужны эксцессы.
Что случилось? — ничего,
Но просто в наш кабак
Прибыла джаз-банда из Одессы.

Припев:

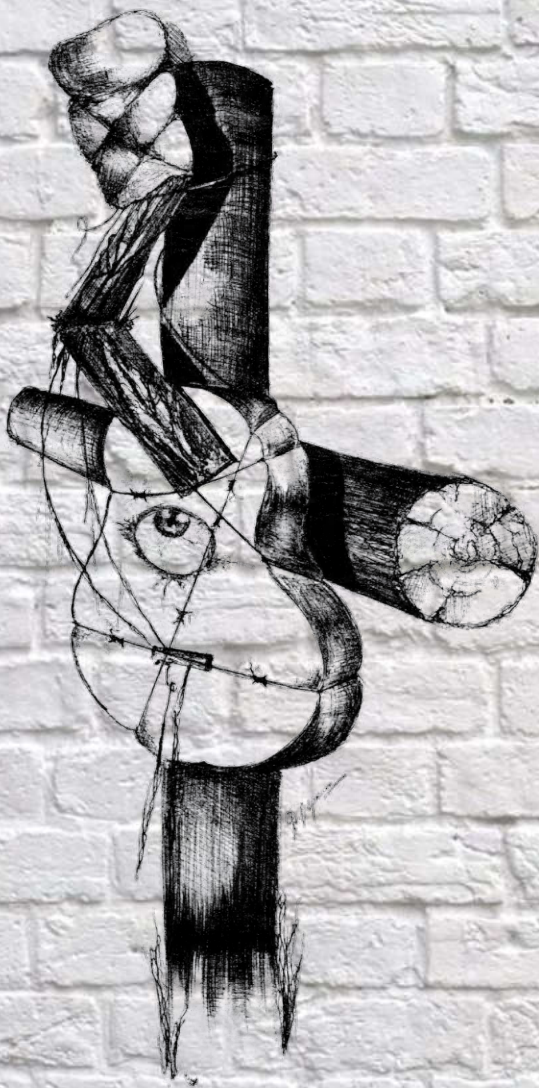
А ну-ка, Жора, сыграй нам на рояле,
Алеша Розенгарден — на трубе.
Запевай, чтоб не было печали.
Наливай, чтобы не быть беде.

В этот вечер перейдем на «Ты».
Пусть нас встретит пьяное застолье.
Ваши песни ясны и просты —
Русский дух и русское приволье.

Припев.

В этот вечер все, как никогда.
Так в России было при застое.
А теперь попросим, чтоб с Одессы господа
Сбацили чего-нибудь блатное.

Припев.

Вот так вскрега

Вот так встреча, корешок родной,
Не пугайся, я пока живой.
Ты, наверно, часто вспоминал,
Как друзей легавым продавал!

Припев:

Ну что, Алеха, будем квиты в этот час.
Ты нас тогда, а мы тебя сейчас.
Теперь дорога у тебя одна.
Нам рассчитаться надобно сполна!

Я в зоне много для себя открыл.
Но ты бы там в живых бы не ходил.
Ты вкусно жрал, а я недоедал,
Ты на диван, я — на лесоповал.

Припев.

В лагерь меня плотно прописал.
Даже письмецо не отписал.
Думал, сдохну — видишь, не судьба.
Помирать тебе пришла пора.

Припев.

Воровская

песенка рецидивиста

Мамка меня в детстве не любила,
Как-то раз с балкона уронила.
Непослушный вырос я ребенок,
Воровать учился я с пеленок.

Припев:

А теперь я вор-рецидивист.
Ты подальше от меня держись.
И со мной не следует шутить —
Я могу ограбить и побить.

У соседей я убил корову,
Когда мне было года три от роду.
Двое суток меня дома били,
Только воровать не отучили.

Припев.

Лет в пятнадцать я встречался с зоной,
К моему приезду не готовой...
Сжег барак и обокрал охрану —
Без работы я сидеть не стану.

Припев.

На свободе не могу и дня.
В «Ювелирном» сцапали меня.
Если б я не принял эту акцию,
То мог бы потерять квалификацию.

Припев.

Вы мне не поверите, друзья,
Хочется украсть и у себя.
Что кривить душой и что скрывать:
Не умею я не воровать.

Всякий труд погешен

Работать вроде все у нас умеют.
Кто у станка или в зубах с лопатой.
Но пусть со мной поспорить он посмеет,
Что можно честно жить одной зарплатой.

Припев:

Мы на улицы выходим с темнотою,
Что за ночи! — Тихие, погожие!
И с заката до рассвета, боже мой,
Ищем вас, товарищи прохожие!

Клянусь, нам денег сроду не хватало.
Но надо жить, товарищи рабочие.
Поймите же, бухло подорожало,
Машины, бабы, ну и все там прочее.

Припев.

Клиентов мы не смеем обижать,
Все высший класс, все с пафосом и шиком.
Ну, разве это трудно — кошелечек передать
Без всяких неприятностей и криков?

Припев.

А утром мы поедем отдыхать,
По кабакам транжирить сбережения.
И, уверяю, очень трудно нас поймать,
Не хватит ни здоровья, ни терпенья.

Припев.

Я опять уйду в мир грез

Я опять уйду в мир грез,
Где музыка печальная звучит.
Где страданий нет, но есть тоска.
Где поют так грустно соловьи.
И от этой мирской суеты
Убежать навсегда я хочу
В тишину, и покой, и мечты,
Раствориться в зеленом лесу.
Отрешившись от праздных утех,
Я пойду по коврам из цветов
И забвенью предамся навек.
Я опять уйду в мир грез...

Письмо злена поискового отряда "Сибиряк"

Здравствуйте, дорогая Мария Ивановна!

Пишет Вам член штаба поискового отряда «Сибиряк» Инзель Сергей. Поздравляю Вас с 68-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции. Это большой праздник не только для нашей страны, но и для всех стран мира. Я расскажу Вам, как я провел последнее лето. В июне у нас была школьная отработка – мы работали в школе, убирали лук на полях. В июле я с мамой отдыхал в доме отдыха «Ключи». В Сибири можно даже лучше отдохнуть, чем на море. Ну, а август я провел дома.

В школе учусь хорошо: в этом году это надо делать усердно, впереди – предстоящие экзамены. В поисковом отряде идёт интенсивная работа. В сентябре состоялся слёт военруков Сибири и Дальнего Востока. Всё это проходило в нашем музее. В Мясном бору в Новгородской области 5, 6, 7 октября состоится открытие памятника погибшим воинам 19 Гвардейской дивизии. Средства на его открытие перечислила и наша школа. Сейчас готовится урок мужества, который будет называться «Комсомол в шинели фронтовой». В этом

году многие ребята-поисковцы оканчивают школу, но ряды отряда всё время пополняются за счёт учеников младших классов.

Большой привет Вам от нашего руководителя Пшеничкиной Валентины Григорьевны.

Сергей Инзель
1984 г.

Попасть на концерт «СБ» не так просто,
даже если у тебя есть заветная контрамарка

Сергей Инзель

Как все это назиналось...

Вас приветствует панк-группа «Символ Безысходности», страсти по которой не утихают даже сегодня. Коллектив авторов данного издания, будучи знакомым с музыкантами данной группы, взял на себя ответственность подготовить и выпустить этот альбом. Материалы, собранные здесь, являются подлинными и весьма ценными. Обращаясь к читателям, мы хотим, чтобы ознакомившись с данной работой, вы задумались о том, как нелегко играть панк-рок сегодня. Теряя силы в борьбе с поповиками и в борьбе с душой, музыканты стремятся к новым вершинам: в своей деятельности, в своей повседневной работе выражают протест. Пожелаем же им удачи!

22 августа 1990 г., г. Томск, штаб-квартира «Символ Безысходности».

Вначале «СБ» не было (так как это было начало). Март, 1989 год. Фунбас (Фон) + р. Серж + Гоша Фефелов (ныне George Vertran) + Сергей Лозовский организовали группу «Прогрессивный налог».

Исходный состав:

1. Вокал, гитара – Фунбас.
2. Бас – Лозовский.
3. Клавиши – Гоша Фефелов.
4. Ударные – р. Серж.

Постоянные смены бас-гитаристов вносили большой дискомфорт. Концертная деятельность 25 мая 1989 г. (ДК «Энергетик») – исходный состав: Лозовский + Блащицын («Передвижные Хиросимы»). Выступление по причине неявки Блащицына без бас-гитары /бас-клавиши/, а также «РО», «Еще», рок Б. – поэт Асеев).

11 июня 1989 г. Большой Концертный зал. Фестиваль «Рок за милосердие» – Блащицын + Сивков (а также «ДО», «Путти», «ПХ», «Будни лепрозория», Колька Федяев и др.). Должно было быть еще одно выступление, но мы решили не рисковать, поэтому выгнали Фунбаса и Сивкова, как главных лажовиков...

Репертуар «Прогрессивного налога»:

1. «Выборы» /Фунбас (р. Серж);
2. «Пионеры» /Фунбас (р. Серж);
3. «Пятиконечная вера» /Фунбас (р. Серж);
4. «Волком выли» /Фунбас (р. Серж);
5. «Последний кайф» (Фунбас);
6. «Ордена говорят» (?)

«Прогрессивный налог» умер в 1989 году.

После его развала встал вопрос: «Что делать дальше?». Решено создать новую команду. Название «Символ Безысходности» появляется в авгу-

сте 1989 года. Под его знаменем теперь работают Г. Фефелов, р. Серж и приглашенный на бас-гитару бард-одиночка Мефодий (Безысходным он назван позднее). В 20-х числах записывается пробная кассета на музыку Кольки Федяева. Спросом не пользовалась.

Сентябрь 1989 г. Укомплектован состав «СБ». Приглашены для работы музыканты г. Северска. Вокал – р. Антон (тогда просто Антон), экс-клавиши попсовика Жданова. Бас – р. Дима (тогда просто Дима) – экс-бас Иванова (alp «Кино»). После первой репетиции старых вещей «Продналога» – посвящение в панки (дринк-сейшн).

Подано заявление на фестиваль рок-музыки, который пройдет 13–15 октября.

30 сентября 1989 года – день рождения «СБ». В этот день панки заявили о себе официально – состоялось их прослушивание. Хотя результаты были не в кайф...

«Судный день»... Одновременно музыканты хотели выступить в ДК «ЖД». Но приковый попсовик Огапкин, опасаясь за аппарат и здание, наложив в штаны при виде ирокезов, отказал им. Не попав в ДК и на фестиваль, музыканты «СБ» выпустили магнитный альбом.

Исходный состав:

Вокал – р. Антон (Shune Brothers);

Гитара – Мефодий Безысходный («Diamant», «Есо», graib, Heavy Metal-2, компрессор «Boss»);

Бас – р. Дима (Sguer-печатка, «Fender»);
Клавиши – Гоша Фефелов (Mr. Grob) – Cord
Poli 800 «Crumer»;
Ударные – р. Серж (Amati-super).
Смикшировано на «Poland». Запись произведе-
дена на ТНХК 4 октября 1989 г.

Исполнены следующие вещи:

1. «Выборы» /Фунбас (р. Серж);
2. «Пионеры» /Фунбас (р. Серж);
3. «Пятиконечная вера» /Фунбас (р. Серж);
4. «Монополия» (Г. Фефелов – р. Серж/ р. Серж);
5. «Засрали» (р. Серж);
6. «Токсикомания» (р. Дима);

7. «Аппарат для стирки государственных флагов» (Г. Фефелов, р. Серж);

8. «Волком выли» /Фунбас (р. Серж);

9. «Punk Noy» (р. Серж).

Текст читает р. Серж.

Использованы фонограммы «Гимн Советского Союза», «Интернационал», а также импровизации на темы бессмертных произведений И. С. Баха.

После записи альбома наступает кризис – Гоша ударился в попсу и забыл «СБ». Но продолжается кропотливая работа по созданию новых вещей. Среди них «Мой друг Павел Морозов» (ноябрь), «Безысходность», «Утро в Стране Советов» и др. Панки веселятся, веселится и общественность.

Punk not dead!

Болезнь р. Димы и Мефодия (декабрь–январь).

После всех неудач группы появилась надежда выступить с концертом в логове попсовиков – общежитии на Вершинина, 50, заключён договор на «прослушивание» группы. Этим почётным заинтересовался сам Овиденко (смотри «Punk not dead!»). Но неожиданная душевная болезнь р. Димы и Мефодия расстроила все планы. На время прослушивания приглашён Фунбас (гитара), Бертран – бас, клавиши. О результатах прослушивания р. Дима и Мефодий ещё не знают – они едят транквилизаторы и ежедневно переходят – им сейчас не до музыки. Но все закончилось успешно, все выздоровели и снова вместе. Начинается новый этап творческого пути.

Высш уилление у нойсовиков

Наконец сбылась давняя мечта «СБ» — погромить центр попсы — Вершинку. Хотя и были среди её обитателей гостеприимные люди, в воздухе стояла попса. Приехав и попугав народ, панки стали лабать (сейшн). Обстановка накалялась, попсовики на полную мощность включили «Modern Talking», «Ласковый май», но разве можно заглушить хоть один монитор, на котором играет гитарист «СБ». Когда попсовики поняли, что панков не одолеть, они запустили хохла Овиденко, чтобы тот выгнал панков (предварительно Овиденко напоили). А так как он хохол, то хитрости ему не занимать. Позвав друзей-люберов, Овиденко устроил засаду. Но какой же истинный панк боится пресловутого попсовика. Овиденко дали понять, что ни «Гоп-Гоп!» и ничто другое панкам не страшно. От страха Овиденко выгнал жену с младенцем, закрылся в комнате и не выходил оттуда 70 дней (так ему приказали панки).

Punk not dead!

С мая 1990 по август 1990 г. наступает очередной кризис в работе группы. Бертран всерьёз связался с попсовиками и активно проповедует попсу (а вместе с тем и некрофилию); р. Дима серьёзно

болен и не может бороться с поповиками. Остаточные явления в НИИПЗ наблюдаются у Мефодия – он играет психоделию. Р. Серж задумал петь а ля Шуфутинский, в чем, конечно, не преуспел; р. Антон – его никто не встречал (но он жив – из достоверных источников). Конец августа насыщен событиями – будет переписан альбом «Судный день» (а также дописка новых песен). По предварительным срокам – 31 августа. Идёт интенсивная подготовка, напряженные репетиции чередуются с активным отдыхом. Конечно, нельзя предвидеть, что будет завтра, но всё же будем надеяться только на хорошее. Ведь, «Punk not dead!»?!

Текст подготовлен 28.08.2010

Ксения Сотникова

И это все о нем

Жизнь Сергея Инзеля трагически оборвалась в июле 1993 года. Остались его стихи, случайно найденные в записной книжке, и кассеты с его песнями. Остались его друзья и люди, которым стало близко его творчество, благодаря их поддержке сегодня выходит этот сборник. У Сергея не было прижизненных публикаций, а его группа «Символ безысходности», созданная в 1989-м году, так и не успела толком заявить о себе на Томских рок-тусовках. «Может, когда-нибудь и напечатают, — пишет он в предисловии к своим стихам, — а лучше не стоит: не поймут. Это надо так отфильтровать, что и останется одно приличное стихотворение». «Фильтровать» Сергея никто не решился: ни порядок расположения текстов, ни их количественный состав изменены не были.

Что же касается читательского восприятия, то оно, конечно, может быть разным: многое покажется грубым и «непричесанным», вызовет эстетический шок, заставит вспомнить жутковатые Летовские «шедевры». Но Сергей писал, не делая ставку на эпатаж, он просто говорил о том, что его

мучило. В его стихах боль за наше прошлое, саркастическая ирония, обращенная к современности, предчувствие надвигающейся «непонятности» будущего. Над его столом висел портрет Брежнева и это рядом с «Декларацией прав человека»! Факт, вызывающий недоумение и возмущение: «Ты что, Серж, совсем спятил?!» – «Уважаю Леонида Ильича, уважаю... Хороший был дед»... (Знаменитая «инзелевская» интонация: то ли говорит серьезно, то ли просто ерничает).

Сам Сергей остро чувствовал свою принадлежность к поколению «детей застоя»: воспитанное на идеале Павлика Морозова, декламировавшее «За детство счастливое наше...». Проглотившее невероятное количество лжи «оно искало «противоядие» в панк-роке, в бесконечных философских беседах на кухне, в религии. Серж пытался найти его в самом себе. В своих песнях: «Пятикопечная вера», «Выборы», «Монополия», «Пионеры»... «Пионеров» он терпеть не мог, и здесь речь не о «красногалстучной армии» девочек и мальчиков, а о племени сытых карьеристов, из этой армии вышедшем, о племени равнодушных, которому он противостоял и как поэт, и как человек.

Друзья Сергея говорят, что у него было две любви: музыка и медицина. Он обладал качествами, возможно, самыми важными для выбранной им профессии: необыкновенной добротой, способностью чувствовать чужую боль, желанием помогать людям – искренне и бескорыстно.

Ему оставался год учебы в медицинском университете...

Первые стихи в этом сборнике датируются 1989-м годом, последние написаны в феврале 1993 года. Это только начало, и теперь трудно ответить, что за этим последовало бы. Мы просто хотели дать Сергею возможность быть услышанным: «Может, когда-нибудь и напечатают...».

Георгий Фефелов

Вспоминая Сергея Инзеля

С Сергеем Инзелем мы познакомились ещё в детстве, так как мои бабушка и мать были хорошо знакомы с Татьяной Николаевной, мамой Сергея. В одно и то же время мы пошли в одну и ту же школу. Так же как и я, и многие наши одноклассники, он изучал английский, так же брал частные уроки музыки. У нас не было тесного общения с ним до 1984 года, когда в школе началось повальное увлечение магнитофонными записями. Крутили, в основном, итальянскую попсу. На этой почве мы разговорились и стали обмениваться кассетами. Позже я стал замечать, что Сергей теряет интерес к поп-музыке и всё больше увлекается бардовской поэзией, а особенно Высоцким, эмигрантами и исполнителями «блатных» песен.

Я также в эти годы не был равнодушен к Высоцкому, но интерес мой был лишь поверхностным. Я тогда не мог проникнуть в глубину поэзии и так и остался на стороне диско- и рок-музыки, а Сергей окончательно погрузился в творчество под гитару. Может быть, этот период был и не столь зна-

чительным в наших взаимоотношениях, но это был как раз, наверное, тот переломный момент, когда на моих глазах Сергей, которому не было и тринадцати, нашёл свой истинный путь, которому не изменил до конца своих дней.

После того, как наши музыкальные привязанности разошлись в разные стороны, мы несколько лет почти не виделись. (...).

Сергей и Фон познакомили меня с лидерами томского панк-движения, среди которых «Дети Обруба», а также Слава Шатов, рокер со стажем, ветеран томского «андерграунда». Это было интересное время, полное приключений. По нескольку раз в неделю вечеринки в общежитиях, с гитарами, вином, беседами о философии, музыке и просто ни о чём.

Первый наш совместный проект, в котором впервые появились хиты на тексты Сергея Инзеля («Все на выборы», «Пятиконечная вера», «Пионер — значит, первый», «Волком выли на всех и кусались») носил название «Прогрессивный налог» (музыка Фона). Но это было только начало. Пару раз мы неудачно выступили на сейшнах (см. творческую биографию группы, написанную собственноручно Сергеем), и стало ясно, что нужно что-то менять. (...). Замечу, что основатель проекта Сергей, написавший большинство песен, в то время не был солистом, а предпочитал скромную роль барабанщика. Он и в жизни такой был — не любил выделяться, не делал из себя лидера.

А проблема с музыкантами решалась довольно долго. Через пару месяцев Серега привел своего товарища по учёбе в мединституте Дмитрия Киселева вместе с неким Антоном Коробейниковым, которые стали, собственно, бас-гитаристом и солистом группы. Место гитариста оставалось вакантным, и тогда пришёл школьный друг Сергея Миша Петровский, он же Мефодий, сочинитель песен и исполнитель под гитару, неплохой поэт. Впоследствии родилось название «Символ Безысходности». Этот состав держался дольше всего, вплоть до распада группы.

Это было, скажу вам, незабываемое время. Мы все тогда заболели Егором Летовым, психоделией и панк-роком. Большую часть времени мы, конечно же, уделяли репетициям на нашей подпольной базе, но свое свободное время проводили на всевозможных тусовках, сейшнах.

Можно сказать, что «Символ Безысходности» был не просто группой. Как музыкальный коллектив он существовал чисто в студийном варианте в виде нескольких магнитоальбомов. «Символ» — это, скорее, общество, неформальное объединение, со своими заморочками, приколами, наподобие питерских «митьков» или кемеровских «зюшников», состоявшее не только из членов ансамбля, но и из довольно большого круга знакомых Сергея, в основном, поклонников нашего совместного творчества. Мы не были панками, хотя и пытались играть пост-панк (а выходило что-то

другое), не принадлежали ни к какой «системе», а были сами по себе.

В 1989 году мы записали первую демонстрационную запись в составе «Символа Безысходности». Там было 6 песен, в том числе одна моя и Димины (на Серегины стихи). В конце сентября появился наш первый из двух «официальных» альбомов «Судный день», состоявший из 9 песен. Все эти записи включали в себя и переписанные хиты времен «прогрессивного налога», а были и новые песни – наш с Серегой совместный «Аппарат для стирки государственных флагов», «Монополия», «Панки, хой». В «Судном дне» между песнями идут Серегины вставки – несколько фраз довольно-таки неопределённого содержания на фоне моих импровизаций в стиле Баха на электрооргане. В начале альбома – Гимн СССР, записанный с пластинки специально на скорости 45 оборотов, затем голос Димы «Встать, суд идет!..», а в конце после представления состава, звучит, записанный также, как и гимн, «Интернационал». К сожалению, записи альбома затерялись, и я не знаю, удастся ли их найти.

Никак у нас не ладилось с концертной деятельностью. Два раза нам удалось вылезти на сцену. Но в первый раз это был всего лишь отборочный тур на «Рок-периферии – 89», фестиваль, организованный томской комсомой во главе с некими тов. Беловым, Фурмановым и другими официальными лицами. Мы не прошли на основной тур, так как

нас оттеснили более авторитетные представители направления «панк» – «Дети Обруба» и «Будни Лепрозория». Еще мы пытались дать концерт в общезнании мединститута перед новым 1990 годом, но собралось зрителей всего 4–5 человек: во-первых, не было никакой рекламы, во-вторых, большинство зрителей разъехались по домам на Новый год. Отыграли как бы сами для себя. После мы еще несколько раз собирались, но ничего не записывали.

В это самое время у Сержа зародился и следующий проект – «Образцово-показательный оркестр Джорджа Бертрана». Дж. Бертран – это, собственно, я. У нас были свои клички – панк Серж, панк Дима, Мефодий Безысходный. Я, в свою очередь, сначала был Мистер Грог, а потом стал вот этим самым Бертраном. Оркестр – это студийный проект, основанный на исполнении песен блатного, кабацкого и эмигрантского репертуара в собственной интерпретации, а позднее – собственных песен. Всё-таки, его давняя любовь к авторской песне перевесила панк, рок и увлечение Егором Летовым. Серж вновь встал на свою тропу и стал всё больше углубляться в сочинение бардовских песен. У меня лежит пробная запись, сделанная на репетиции СБ, где тем же составом записаны известные блатные и просто популярные «в народе» песни в исполнении Сергея, а в конце одна песня Летова.

В конце августа 90 года мы записали первый мини-альбом «Оркестра» в более профессио-

нальных условиях. Участвовали: Сергей, выступавший уже в роли вокалиста, Дима, еще один гитарист Евгений Иванов и я. Использованы «Роланд» (синтезатор) и ритм-компьютер. Пожалуй, самыми сильными альбомами, сделанными нами, были два последних – это «квартирный» сейшн в Доме Учёных (под флагом СБ), где была создана непринуждённая, тусовочная атмосфера, и второй – это «Оркестр Джорджа Бертрана» 93 год, лучшее, что Сергей сделал за свою недолгую жизнь.

В феврале 1993 года, за несколько месяцев до того трагического дня, был записан лучший альбом Сергея под названием «Образцово-показательный оркестр Джорджа Бертрана», являвший собой вершину его творчества. Здесь Сергей предстает таким, как он есть на самом деле. Альбом весьма удачен и в отношении качества звучания, если учесть, что писали мы его в домашних условиях (у него на квартире) с минимумом аппаратуры на обычном магнитофоне «Союз», предоставленным его соседом и другом Олегом Тереховым, на советских клавишах с рок-компьютером. Записывал он, Слава Бухаревский и я. На первый взгляд, в несколько странном порядке в первой половине сплошь блатные песни, а во второй – резкая смена характера, появляется лирика в чистом виде.

Ансамблевое звучание с барабанными, компьютером и синтезатором, разбавленное скрипич-

ным соло, сменяется в конце концов просто гитарой со скрипкой, а где-то и двумя гитарами, но без скрипки. Но я в последнее время начинаю осознавать, что это неспроста. Он лучшие песни оставил напоследок, начав с вещей более развлекательного характера – хитов, написанных, видимо, под впечатлением Токарева, Шуфутинского и прочих гигантов «ресторанной» музыки, которых так любил Сергей.

А в конце альбома Сергей раскрывает себя полностью, показывая свою любовь к музыке (наиболее проникновенные его вещи, такие, как «Памяти музыканта»).

Как поэт Сергей не был известен при жизни. Многие стихи были найдены в его записной книжке уже после похорон. А что же касается текстов его песен, никто особого значения им не придавал, я тоже думал «ну кто в этом возрасте не пробовал писать стихи». А потом все поняли, да это настоящий поэт. Его стихи читали и известные в Томске люди, имеющие большой опыт в области литературы и тоже дали им высокую оценку.

Перечитывая его стихи, тексты песен, всё больше убеждаешься в том, что Сергей Инзель – яркий и неповторимый талант, которому суждено было стать продолжателем традиций русской бардовской поэзии, последователем Высоцкого и других великих классиков авторской песни. Взять хотя бы цикл песен для «Образцово-показательного оркестра» – кое-где можно уловить стиль Высоцкого,

Токарева, но это не подражание, а какое-то, пожалуй, новое осмысление этих авторов, выражение себя через их язык, их стилистику. Но, пожалуй, в нём преобладает своя индивидуальность, неповторимость в творчестве – вспомним «Песню для гитары» и «Памяти музыканта» – где с такой глубиной выражена его искренняя любовь к Музыке. Здесь он уже не обращается к другим авторам, а раскрывает себя, как творец.

Сергей не был профессиональным музыкантом. Он играл на гитаре, фортепиано, ударных, но не был знаком со сложными гармониями, аранжировкой, не обладал выдающимися вокальными данными. Может быть, знание нескольких аккордов на гитаре, двух-трех тональностей на пианино и позволило Сергею создавать простые, доступные всем мелодии в своих песнях?

Профессионалы стараются углубиться в поиски сложных созвучий, нередко забывая о том, как важно, чтобы музыка доходила до простого слушателя. Пытаясь вслушаться в тонкости музыки, слушатель перестает воспринимать смысловую нагрузку слов песни. А в таких песнях, как пишет Сергей, это недопустимо. Ему же дано Богом столько музыкальных способностей, сколько нужно для написания этих песен, которые никогда не забудутся.

У него было две любви – Музыка и Медицина. Он давно мечтал стать врачом и уже заканчивал медицинский, но этой мечте не дано было сбыться.

Известно, что поэты долго не живут. А это был поэт. Это творец. Есенин прожил тридцать. Пушкин немногим больше. Высоцкий жил сорок два года. Сергею Инзелю было отмеряно судьбой ровно половина этого срока...

Александр Линьков

А неси его звугом

Еще в школе мало кто сомневался, что Серёжа продолжит семейную традицию и станет врачом, как дед и родители. Получив аттестат зрелости, он поступил в Сибирский государственный медицинский университет. Здесь Сергей впервые узнал святые слова клятвы Гиппократы, обязывающие врача в любых ситуациях прийти человеку на помощь.

Началась суматошная студенческая жизнь, наполненная лекциями, практическими занятиями. И вот на календаре уже 1993 год. Позади пятый курс университета. Осталось совсем немного, и ты уже на самостоятельной работе. А пока очередная практика в детской больнице в одном из посёлков.

И вот как-то в один из дней его срочно позвали оказать помощь, якобы, умирающему человеку. Не раздумывая, Сергей пошёл за позвавшим. Но только увидев больного, понял, с кем он столкнулся. Это была компания наркоманов. Одному из них стало плохо, скорее всего, из-за передозировки. Что было делать в такой ситуации?

Плюнать и уйти, разбирайтесь, мол, сами? Заявить в милицию или еще что-то предпринять?

Ответить на эти вопросы сегодня трудно, но Сергей, наверное, в тот момент не сомневался. Перед ним был человек, нуждающийся в помощи. И он её оказал. Предупредив при этом друзей: «Вызывайте «Скорую помощь», здесь нужно серьёзное лечение». Но приятели посчитали дело сделанным, да ошиблись. Любитель зелья вскоре скончался.

А у Сергея начались неприятности. Наркоманы, а как выяснилось, это была организованная преступная группа, посчитали его виновным в смерти компаньона. Так заявили впоследствии они суду. Но, скорее всего, они боялись, что Сергей выведет правоохранительные органы на их сообщество. Две недели бандиты искали Сергея и, наконец, нашли. Для него этот день стал последним в жизни...

Негодяев судили, и каждый из них получил суровое наказание. Но не стало Сергея, который так любил жизнь, любил людей. О них он слагал свои песни, свои стихи. И хотя он прожил недолгую жизнь, у него вышло несколько поэтических сборников и в России, и за рубежом. А сейчас готовится к выходу компакт-диск написанных им песен. Увы, свою лучшую Сергей написать не успел...

«Российская газета», 18 ноября 1997 г.

О Сергее Инзеле

Впервые встретив Сергея санитаром приемного отделения горбольницы № 3, сказать правду, удивилась: худенький, ничем непримечательный подросток, «виновато улыбающийся». Очень удивилась, узнав, что это сын Татьяны Николаевны Инзель, нашего доцента кафедры (я еще тогда была ординатором), и подумала: «Зачем ребенку видеть все превратности жизни – больных к нам доставляют машины «Скорой помощи», бывает, грязных, если они взяты прямо с улицы». И тут как раз привезли такого – пьяного, возможно, вшивого. Сергей нисколько не смутился, свои обязанности санитара выполнил вместе с дежурной бригадой: больного помыли, побрили и оказали помощь. Потом спрашиваю: «Ну, как?». И вдруг встретила не по-мальчишески твердый взгляд серых глаз: «А я буду врачом», – был ответ. И снова больные, и снова работа...

Удивляли его стойкость, отсутствие пренебрежения и брезгливости, и это в 12 с небольшим лет. Ведь были ситуации, когда мне, уже тогда опытному врачу, иногда становилось не по себе. Удивляла его принципиальность в выбранной позиции стать

квалифицированным специалистом. Дежурства по «Скорой помощи» в городской больнице – это бессонные ночи, тяжелый физический труд, моральный настрой помочь любому, кто нуждается в помощи. Во время работы никогда не возникало ситуации, что рядом практически ребенок. Свои обязанности Сергей выполнял чётко, никогда к нему не было замечаний, а, главное, всегда был рядом прекрасный собеседник с широким кругозором, незаурядный интересный человек.

1997 г.

Портрет Сергея Инзеля
художник неизвестен

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

07.11.1997 г. № 1187

**О награждении государственными наградами
Российской Федерации**

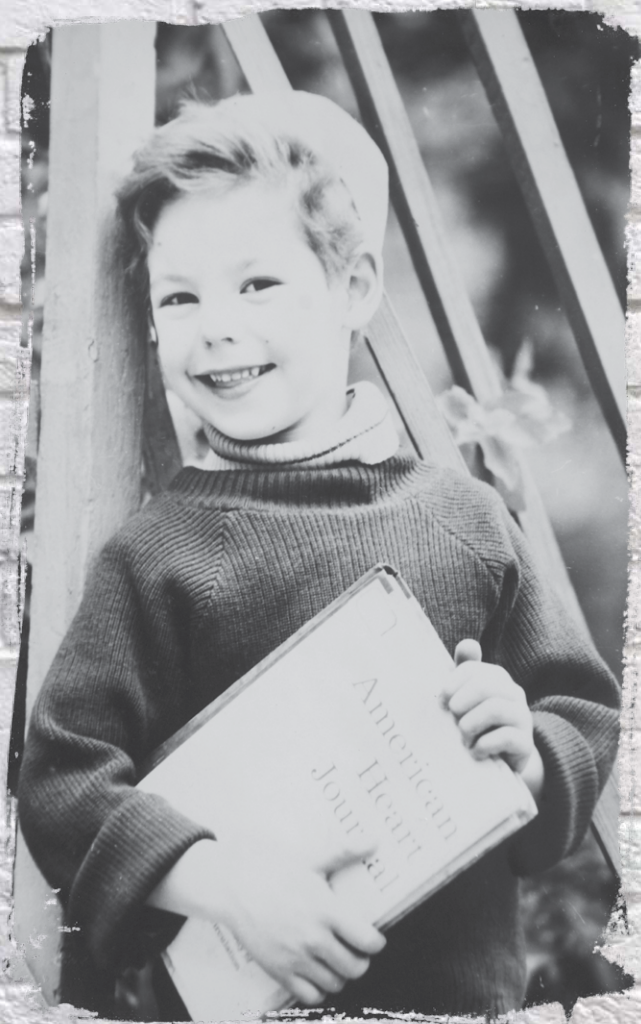
За заслуги перед государством и многолетний добросовестный труд наградить:

ОРДЕНОМ МУЖЕСТВА

ИНЗЕЛЯ Сергея Геннадьевича – студента Сибирского государственного медицинского университета, Томская область (посмертно).

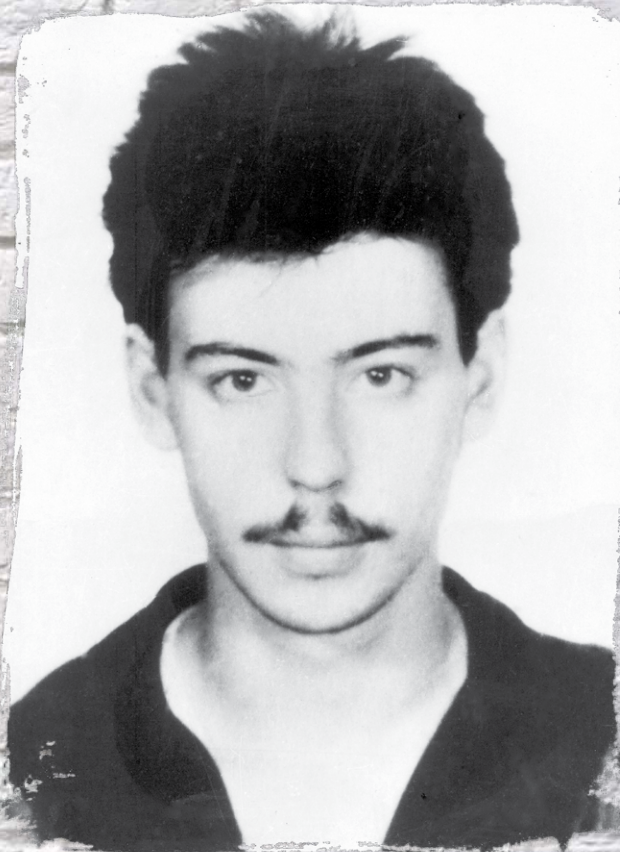

Содержание

Комарова О. Сергей Инзель: страшная, страшная сказка.	5
Выборы	16
Пятиконечная вера.	17
Пионеры.	19
Посвящается московским пионерам	19
Волком выли	21
«Разделяй и властвуй...»	22
Аппарат для стирки государственных флагов	23
Монополия	24
Антиимпериалистическое	25
Нестор Махно	27
Засрали	28
Песня про дурку.	29
PUNK HOY.	31
Утро в стране Советов	33
«Мне задают вопросы без ответа...»	34
Мой друг Павлик Морозов.	35
«У больной девочки нет руки...».	36
«Рассыпчатый туман в подставленный карман...»	37
«Воевали-убивали денно и ночью...»	38
Апокалипсис	39
«Что да как – не пойму...».	40

«Оступился — и забыт, зачеркнут...»	41
Песня про сказку	42
«Рок несбывшейся надежды...»	43
«На дороге стоял человек беззаботный...».	44
Памяти погибшего музыканта	45
Суицид	47
Все очень хорошо.	48
Образцово-показательный оркестр Джорджа Бертрана (1992–1993)	50
Песня для гитары.	52
Первый снег	53
Добрый вечер	54
В этот вечер.	55
Вот так встреча	57
Воровская.	58
Всякий труд почетен	60
Я опять ухожу в мир грез	62
Письмо члена поискового отряда «Сибиряк».	63
Инзель С. Как все это начиналось....	65
Сотникова К. И это все о нем.	72
Фефелов Г. Вспоминая Сергея Инзеля	75
Линьков А. А песни его звучат.	84
Воспоминания врача К. Н. А. О Сергее Инзеле	86

Литературно-художественное издание

Сергей **Инзель**

Я остаюсь

Дизайн: Александр Лукьяненко

Верстка, техническое редактирование: Елена Коварж

Иллюстрации: Евгений Федюшин, г. Северск

Портрет на обложке: Заслуженный художник

Российской Федерации Геннадий Михайлович Ламанов

Фото на с. 3: Валентин Илюхин

Подписано в печать 18.05.2018. Формат 70×100/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Muller Narrow».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,63.

Тираж 250 экз. Заказ № 7443.

Отпечатано. ООО «Дельтаплан».

634041, г. Томск, ул. Тверская, 81.

(3822) 435-400, 435-600